

Ключ к анализу рассказа Фазиля Искандера «Незванный гость»

Анализируя рассказ, следует обратить внимание на то, что в центре авторского внимания – душевные переживания одной героини – Тамары Ивановны. Местом действия становится обычная коммунальная квартира. Основная сюжетная коллизия – приход гостя, правда, незваного. Но это обычное, на первый взгляд, событие позволяет понять не только драму одной конкретной семьи, но одновременно – и трагедию всей страны. Комната в коммунальной квартире как будто становится местом, где заново повторяются трагические события русской истории первой половины XX века.

«Спрессовано» и художественное время рассказа: за полтора часа, которые длится визит незваного гостя, героиня вспоминает всю историю семьи (жизнь – прошлую и настоящую – отца, брата, мужа, свою собственную). Перипетии жизни членов одной семьи за три десятилетия как будто отражают драматические события из жизни многих российских семей.

Выявляя авторскую позицию, следует отметить также:

1) особенности образной системы, в том числе, и роль тех персонажей, которые, не появляясь в рассказе, позволяют понять смысл и причины душевной борьбы героини;

2) композицию (смену воспоминаний о разных событиях из жизни семьи и страны, определяющую перемену в отношении героини к гостю);

3) указание автора в финале на продолжающуюся в душе героини борьбу;

4) умолчание автора о том, кто же на самом деле был незванный гость, не случайно не имеющий имени.

Ключ к анализу стихотворения Алексея Пурина «Памятник»

Оду Горация «К Мельпомене» переводили и перелагали многие русские поэты XVIII – начала XX вв.: М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, В.В. Капнист, А.Х. Востоков, С.А. Тучков, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, А.А. Фет, В.Я. Брюсов и др. В этих переводах и переложениях поэты обычно подводят своеобразный итог своему творчеству, пытаются определить собственное место в координатах Времени и Пространства – в истории литературы и истории культуры своей страны.

В середине – конце XX в. в стихотворениях В.В. Высоцкого, И.А. Бродского происходит переосмысление темы: нет размышлений о заслугах перед народом, преодолевается само восприятие памятника как памяти, что трактуется поэтами как показатель иллюзионистского мышления, поскольку и памятник, и память репрезентируют не живую личность, а канонизированный, застывший образ, тогда как личность безгранична согласно определению, образ же всегда рамочен и напоминает в этом смысле результат работы

гробовщика с деревянной меркой. Образ – лишь гипсовая маска, с которой «вчистую стесали азиатские скулы мои» (В. Высоцкий).

Но в стихотворении А. Пурина (опубликованном в сборнике 2004 года) говорится не о том памятнике, который «превыше пирамид и крепче меди», «металлов тверже... и выше пирамид», выше «главою непокорной александрийского столпа». В произведении поэта памятник совсем другой – «мнимый кумир», «едва ли ощутимый для вкуса большинства и спеси единиц»; «заветная лира» трансформируется в «гребень черепаший», который, за ненужностью, «Меркурию вернет... Аполлон».

Алексей Пурин в своем стихотворении словно начинает переключку-игру с пушкинским текстом. Но эхо отзывается через столетия противоположными смыслами: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. К нему не зарастет народная тропа» - «Я памятник воздвиг – едва ли ощутимый для вкуса большинства и спеси единиц», «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» - «Слух обо мне пройдет, как дождь проходит летний, как с тополе́й летит их безнадежный пух», «Нет, весь я не умру» - «Умру. И всё умрёт...»

В противовес пушкинской торжественности, образы стихотворения А. Пурина нарочито сниженные: «недостовой сплетней», «плешивый Аполлон», «с душой возиться». Использование в отдельных случаях книжной высокой лексики («не прослезят взыскующих зениц», «в урочищах страстей», «сколь сладостно», «неволить», «род славян постылый», «утлый рифмоплет», «игрища тщеты») призвано подчеркнуть ироническое отношение автора к осмысляемой теме.

Интонационно стихотворение жесткое, что также противоречит традициям «Памятников» XVIII – начала XX веков, скорее, соответствуя стилевым новациям Высоцкого и Бродского. Объединяет А. Пурина с поэтами второй половины XX века и утверждение независимости от общепризнанных догм. Но дух внутренней свободы, поэтизируемый А. Пуриным, это, безусловно – знак его приверженности и пушкинским традициям и традициям талантливых русских поэтов XX века.

О верности пушкинским традициям, традициям русской поэзии свидетельствует и понимание ответственности за свой дар, пренебрежение к «суду глупца», к мнению «толпы», если воспользоваться пушкинскими образами. Еще одна очень важная мысль прозвучала в одном из высказываний А. Пурина, и она также устанавливает его связь с традицией: это мысль о служении поэта человечеству: «Назначение стихотворца состоит не в том, чтобы произнести впечатляющие слова. Оно состоит в том, чтобы самой своей жизнью создать ещё один шлакоблок, ещё один кирпич для той самой стены, что экранирует человека от вселенского холода и адского зноя. Время и напор пустоты постоянно грызут эту преграду – от Ариона не осталось песчинки... вот-вот рухнут Гораций и Шиллер” ...» Об этом же и его стихотворение «Памятник» – о «сладостной и славной» боли, которая «переплавляется... на стиховом огне», о противлении «величью пустоты» - пером, стихами, Поэзией, Творчеством.